

Клоун — это человек, раненный нежностью

Изл. Москва, — 1996. — 13 марта. — с. 5

Я просто помалкиваю, но давно знаю, что не люблю клоунов. Даже в детстве меня не смешило, когда на арене один человек дает затрещину другому человеку или наливает ему за шиворот воду. Да и сейчас мне это не кажется смешным. Впрочем, и печальным — тоже.

Но был среди клоунов великий артист. Да, конечно, Леонид Енгибаров!

Я не так уж часто бывал у него на представлениях, но он, совершенно точно, занимал очень важное место в моей жизни. Я всегда чувствовал, что он где-то есть. Вот так во мне вне времени и пространства живут, пожалуй, только фильмы Феллини. Эти два человека пришли к нам из какого-то несомненно одного и того же места и, надеюсь, туда они и вернулись. Чтобы, наконец, свидеться. Ведь при жизни такие люди редко меж собой пересекаются. Даже просто улыбнуться друг другу не бывает возможности... При жизни...

Вот эти два великих мастера знали, что клоун — это раненный нежностью человек.

Из Енгибарова: **«Люблю: море, осень... Винсента Ван-Гога. Боюсь: благополучия».**

Он, конечно, был гениальным человеком. Он просто откуда-то заглянул ненадолго к нам пожить: «Сменил множество профессий, и в двадцать два года мне оставалось только стать актером. Писать начал тогда же, поневоле».

А хотите почитать, чего он начал «поневоле» писать? Ну, крошечный рассказ.

Яблоня

Если немного постоять под колоннами Большого театра, примерно в восемь вечера, за полчаса до выхода Плисецкой, потом пройти по улице Горького до памятника Пушкину, спуститься бульварами к Трубной, деликатно не замечая влюбленных, и по кирпичным аллеям скверов, завернутых в мягкую весеннюю зелень, добраться до Марьиной Рощи, тогда за мостом железной дороги, там, где недавно стояли старые домики, можно в вечерних сумерках увидеть белоснежную яблоню — балерину в белоснежной пачке, одну среди ошалевшего от любви и преданности бурьяна, и услышать овацию восхищенного электропоезда — с желтыми глазами-окнами, проносящегося к далекому морю.

Наверное, некоторые мне скажут: «Зачем весь этот долгий путь, когда можно сесть в такси?». Конечно, можно — только там, за мостом, вы ничего не увидите, потому что будет еще светло.

Вот так увидел Енгибаров.

Я боготворю мой родной город. Я по сию пору регулярно просыпаюсь в той двухэтажной развалюшке на Большой Полянке. И только постепенно, сквозь останки сна, сквозь проступающие очертания нынешних предметов сознание мое начинает понимать, что я уже не там... И возвращаюсь сюда...

Но я уже давно не способен разглядеть Москву свежими глазами юности, а то и детства. Вот то, что вы только что прочитали — «Яблоня», — увидено глазами юности. Леонид волшебным образом и молодой и молодой. И умер светлым ребенком. Ему было тридцать семь лет.

«Яблоня» — это из книги миниатюр Леонида Енгибарова. Приобрести эту прозу можно только в одном-единственном на всем белом свете месте — в музее Владимира Высоцкого. Но для этого вам придется спуститься по кривому-кривому переулку, потом пробраться через кривой-кривой дворик, затем вскарабкаться по ступенькам кривой-кривой лестнички. И войти!!! И там, как в конце сказки, будет, словно волшебный ларец, светлая комнатка. А в ней-то и продаются лепестки прозы Леонида Енгибарова... За что спасибо удивительному издательству «Вагант».

«Дорога — это единственное, что тебе никогда не изменит. Наскучит уют, остынет любовь, и останется только Дорога, и где-то впереди — Надежда, что будет любовь, покой...».

И ушел по этой дороге. Ему теперь виднее. Он умер, Леонид Георгиевич Енгибаров.

Эдуард ГРАФОВ